

Азъ

Розовый

Виталий Каплан

Масть

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К20

Серия «Дозоры»

Автор идеи С. Лукьяненко

Серийное оформление А. Фереца

Художник С. Неживясов

Художественное оформление макета Е. Климовой

Каплан, Виталий.
К20 **Масть: [фантастический роман] / Виталий Каплан. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Дозоры).**

ISBN 978-5-17-099457-1

Конец XVIII века, Россия. У ставшего Тёмным Иным гвардейского поручика Андрея Полинского не задалась служба в Дневном Дозоре Санкт-Петербурга, и он переводится в Тверь. Казалось бы — сонная провинция, но ведь известно, что в тихой воде... Юноша не сразу осознает, что новый начальник использует его в качестве пешки в тонкой игре, причем пешки, способной превратиться в совершенно неожиданную фигуру.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С. Лукьяненко, 2013
© В. Каплан, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

История

Чёрный
СЛОН

Пролог

В

сего лишь ночная комната.

Снизу — пуховая перина, сверху давит одеяло — кусачее, из верблюжьей шерсти, неотменимое, как правила арифметики. Душно — это всегда, а запахи — раз на раз не приходится: дёготь, коим смазаны сапоги, ржавое железо, конский пот, подгорелая пшённая каша, розы, мокрое дерево, речная тина. Звуки вблизи одни и те же — легонько трещат половицы, шебуршит под кроватью мышь, едва слышно спускается по стене таракан. А дальние звуки бывают всякими. Иногда ссорятся за окном вороны, иногда воют волки, а то и соловей выводит свои рулады... или уныло стрекочут кузнечики... Но может и буря колотиться в закрытые ставни, и ливень хлестать по крыше, и двуручная пила визжать... и кому только приспичило пилить дрова за полночь?

Но звуки — ещё ладно, гораздо хуже — свеча. Та всегда одинакова: оплывший огарок на закапанном воском подсвечнике, и горит огонёк. Не дрожит, не шевелится — а застыл, будто изображён на полотне живописца. Живописец наверняка безумен — кто ж ещё напишет свечу, которая нисколько не прогоняет тьму? Ничего она не освещает, кроме разве что подсвечника. Пламя — высокое, белое, но яркости в нём никакой. И ещё что-то меняется в этом пламени — кажется, медленно-медленно оно гаснет, но никогда ещё не угасало до конца.

Поэмы
Виталий Каплан • Мать

Кто зажжёт эту свечу? Почему я не в силах отвести от неё взор — и столь же не в силах подняться, задуть её? Почему веет от белого огонька не жутью даже, а скукой, точно от мелкого, упорного дождика? Такие бывают в марте, когда небо неделями кутается в одеяло туч. Почему я знаю, что свеча эта — знак для меня, но не знаю, кем и зачем оставлен. А главное — в чём смысл его?

Вопросы, вопросы... толкуются в мозгу, точно головастики в луже, столь же бессмысленные. Всегда одни и те же вопросы, и всегда нет на них ответов. Что же есть? Залитая тьмою комната, верблюжье одеяло и свеча, не дающая света.

А потом просыпаешься, крутишь головой, хлопаешь глазами... нет никакой такой свечи, и быть её не может, потому что сон. И уж точно не к добру.
Впрочем, и не к худу.

Глава 1

Сверху сыпало — ранний ли то был дождь, поздний ли снег... в любом случае март заканчивался мрачно. Да и вообще картина, если глянуть по-людски, выходила в нужной степени печальной. В трёх шагах от разрытой могилы толпится публика, на лафете водружён гроб — морёный дуб, позолоченные кисти, изысканная резьба. Жалко. Такую красоту — и кому? Земляным червям! И ста лет не пройдёт, как сырость одержит верх над крепостью древесины.

Толпа, разумеется, скорбела, некоторые, судя по цвету, вполне искренне. Особенно убивалась дядюшкина экономка Степанида. Прямо изжелтелась вся. Дай ей волю, начала бы выть и рыдать, как принято это в деревнях. Но волю ей, конечно, не дали: нашлись разумные люди, шепнули: похороны действительного статского советника — это дело серьёзное, не терпящее бабьих воплей. Не сапожника погребаем, не приказчика из скобяной лавки и даже не купца второй гильдии. Тут покойник, можно сказать, государственный, всё должно пройти чинно и благородно.

Благородной публики хватало с избытком. Губернатор Николай Петрович, правда, не соизволил почтить, прислал вместо себя огромный венок, обвитый траурной лентой с надписью «Верному слуге государеву». Зато и городской голова Пуговкин тут был, и предводитель дворянства Коняев, и директор четырехклассного

училища Полуэктов... не говоря уже о рыбёшках помельче. Ну и дамы, само собой. Разве могут порядочные дамы пропустить такое событие? Месяц ведь потом в гостиных обсуждать станут, кто во что был одет, да кто как на кого посмотрел, да как соборный протоиерей отец Георгий отпевал покойного... Понятное дело, скучна жизнь в городе Твери. Тверь, она, согласно пословице, в Москву дверь (а уж тем более в Петербург), да только в дверях надолго не задерживаются, шмыгают кто туда, а кто оттуда.

Отец Георгий расстарался. Самые большие свечи, самые голосистые диаконы... и обряд провёл неопустительно. После же отпевания обратился со словом к народу, отметил высокие добродетели покойного, выразил упование, что уготованы тому приличествующие его рангу райские обители...

Ну, ещё бы отцу Георгию не стараться! Сколько пожертвований на храм было от Януария Аполлоновича! И мало того — примерный прихожанин, исправно говел, службу церковную знал точно таблицу умножения. Когда возносил своё скорбное слово отец Георгий, многие — преимущественно дамы — даже и прослезились.

А мне стоило некоторого труда сдержать улыбку.

Зато дядя Яник не сдерживался. Не хохотал в голос — такого вообще за ним не водилось, но язвительно хихикал, и щёки его при этом мелко тряслись. А чего ему стесняться — всё равно же никто, кому не надо, не увидит.

...Капля, холодная и мерзкая, тюкнула меня прямо по носу. До чего же надоела мне эта мартовская хмарь, эти обложившие небо тучи, эта вечная грязь на сапогах. Тимошка вычистит, конечно, но не в том же дело! Настоящей весны хочется! С травами! С одуванчиками! Да, я из тех, кто желает странного. Узнали бы наши, столичные, — уж точно поиздевались бы.

Меж тем церемония шла полным ходом. Распорядитель похорон, похожий на бледную поганку Иван Савельич, давал слово желающим высказаться — в очерёдности согласно чину. Желающие имелись. Причём некоторые — и впрямь от чистоты сердца. Вот казалось бы, должность у дядюшки такова, что иной

сочтёт за благо держаться от него подальше... а вот поди ж ты, уважают и скорбят. Ну и разумеется, размышляют, кого из Петербурга пришлют на место почившего статского советника Стрыкина. Их можно понять — не всё ведь равно, кто вскоре возглавит здешнюю контору Тайной экспедиции. Уж такая у нас Контора, от которой благородное общество желает на пушечный выстрел быть... а меж тем Контора к ним куда ближе, ибо в мозгах у каждого сидит... оттого и языки те, кто поумнее, придерживается.

Я с тоской взглянул на гроб. Там, под лакированной крышкой, на тёмно-синем бархате разместился высокий сухой старик. Насмешливые серые глаза закрыты, руки сложены крестообразно на груди. Честных правил покойник.

Ну что, племянничек, утомился? — шепнул мне в левое ухо дядя Яник. Оборачиваться я не стал, в Сумраке всё и так видно. Там же не глазами смотришь... вернее, не телесными глазами. Кстати, далеко не сразу научился я глядеть в Сумрак, не ныряя туда. Первый мой наставник, Александр Кузьмич, измучился со мной, непонятливым.

А что делать, дядюшка, что делать? Не нарушать же приличия? — отозвался я, не разжимая губ. Мои несказанные слова и без того влились в его уши. Заклятье «Тихой Связи» — одно из простейших, но и вместе с тем наиважнейших.

Ни в коем случае не нарушать! — кивнул дядя Яник. Тут, на первом слое Сумрака, он почти не изменился по сравнению с собою настоящим. Не тем тощим высохшим старцем, которого видели люди... и уж подавно не тем кадавром, что сейчас замещал его в гробу. Крепкий поджарый мужчина чуть старше сорока, в тёмных волосах местами проглядывает седина, тонкие губы кривятся в привычной усмешке, на левой щеке белый зигзаг шрама — зацепило саблей давным-давно, в елизаветинские ещё времена. Вывести — минутное дело, магии на грош, но дядюшка, видимо, полагает, будто шрам ему к лицу.

Таким дядю Яника видим только мы, Иные. Для людей приходится накладывать личину, которую ещё время от времени и

подновлять надо. В самом деле, нельзя же в восемьдесят восемь лет выглядеть на сорок? Пойдут совсем ненужные разговоры.

Ни в коем случае не нарушать! — повторил дядя Яник, сидя в любимом своём кресле, обитом чёрным бархатом. Ведь протащил же как-то в Сумрак... или сотворил тут подобие. — *Помни, сотни глаз на тебя смотрят. Большой частью с завистью. Ещё бы, единственный наследник. Небось подсчитывают, сколько ты по завещанию получишь и как таким безумным капиталом распорядишься. Ну, тут мы им дадим возможность власть почесать языки. Не забыл, надеюсь, как в руках карты держать?*

Ещё бы мне такое забыть! Уже более полутора лет видеть их не могу. То есть наяву стараюсь не видеть, а вот над снами своими, как выяснилось, я не властен. Это ж мне только в первые дни после посвящения думалось, что маги могут всё. «С людьми — да, почти всё, — разрушил мои тогдашние мечты Александр Кузьмич, — а вот над собою... раны, скажем, залечить пара пустяков, но снами своими распоряжаться мы не можем».

Когда, дядюшка, собираешься явить себя людскому обществу? — поинтересовался я, хотя и без того знал — через неделю приедет в Тверь новый начальник конторы, назначенный сюда из Петербурга самим Степаном Ивановичем Шешковским, коего вся Россия трепещет.

Граф Сухоруков Иван Саввич, как это тебе великолепно известно, пожелует в Тверь к празднику Благовещения, — скривил тонкие губы дядя. — *Так что неделя у тебя есть, гуляй... в пределах разумного. Всё ж таки траур, кутить по-настоящему не след.*

Не жалко с именем, данным при крещении, расставаться? — не удержался я от вопроса.

Так то ж для людей, племянничек, то всего лишь для людей... — хмыкнул дядюшка. — *Вот погоди, лет через двадцать и тебе придётся сию штуку проделывать. Мне-то даже лучше, я посвящение в сорок лет прошёл, а на сорок можно долго выглядеть, такой уж это возраст, воистину средний. Тебе же, двадцатипятилетнему, мужать надлежит... лет через десять люди обратят внимание, как молодежав этот офицер, одолевший середину четвёртого десятка... через пятнадцать они начнут задумываться, через*

Позоры

История первая • Чёрный слон ♠ Глава 1

двадцать — пойдут нехорошие шепотки. Придётся личину цеплять, но вечно же это делать нельзя. Как в Священном Писании сказано: «лет наших семьдесят, а кто телом крепок, то восемьдесят...» Так что время от времени умирать нам следует. Это всё равно как в баню ходить, только реже.

Ничего нового он не сказал, всё это мы давно уже обсуждали и вдоль, и поперёк. Но возраст есть возраст даже у Иного — дядюшка (которому я хоть и приходился племянником, но внучатым) любил поговорить, и притом частенько повторялся.

Или притворялся...

С него станется.

Глава 2

То, что оказался я в тверском Дневном Дозоре, под начальством дядюшки, — это, можно сказать, подарок судьбы. В судьбу, конечно, верить не следует, однако ж её дарами пренебрегать не стоит. Особенно когда она не слишком щедра.

В Петербурге у меня не заладилось со Святков. Можно сказать, всё началось с пустяка.

Вечер тот был вьюжный, глухой. Секло по щекам сухим снегом, брехали где-то псы, тускло светились окошки. Добрые горожане попрятались по домам (а стало быть, на улице оставались только злые — так должно получаться по логике, которую преподавали нам в кадетском корпусе). Для развлечения посматривал я на их цвета — и логика посрамлялась. Над одними сияла жёлтая тревога, другие испускали голубое веселье, третьи горели зелёной любовью... были, конечно, и бордовая злость, и фиолетовый страх... но большей частью серо-коричневое, в тон низкому небу, спокойствие. Больше всего мне сейчас хотелось лежать у себя в квартире на софе, потягивать горячий пунш и ни о чём не думать. Ночь ведь! Считается, что раз мы Дневной Дозор, то и работать должны днём. Ага, как же! У Харальда дежурства расписаны на все двадцать четыре часа суток.

— Слушай, — дёрнул меня за рукав Викентий, — может, ты один сходишь? Работёнка-то пустяковая, тут и четвёртого ранга

хватит, а ты уж до третьего дорос. Надо же, всего год прошёл! Помнишь, каким сразу после посвящения был? Сопляк сопляком, шестой ранг... а надо же, как рванул. Никто из наших и думать не думал... Скоро вообще правой рукой Харальда будешь... не то что я, выше третьего мне, похоже, не потянуть. В общем, я к тому, что превосходно и без меня справишься... а за то в другой раз за тебя отдежурю.

— А если Харальд сейчас за нами подглядывает? — Струйка пара от моего дыхания потянулась к рябому лицу Викентия. — Может, катает особое яблочко по особому блюдечку, да посмеивается?

— Он Великий, — не понял моей иронии напарник, — ему артефакты без надобности, на чистой силе работает... Только вот нечего ему, великому магу, делать, кроме как за нами, мелкими зверушками, следить. Подумаешь, очередной дикий Светлый завёлся... в Петербурге таких случаев за год полсотни. Вот если бы Тёмный, то дело другое, тут прибраться к рукам следует, пользу просчитать... На дикого Тёмного он или сам бы вышел, или кого-нибудь первого ранга отрядил, вот ту же Марфу Семёновну, к примеру. Чтобы опередить Светлых. А тут — мелочишка. Главное, с запасом оцени расход магии, чтобы Харальд потом Светлым счётец предъявил...

— Да что у тебя такое, из-за чего урочным своим дежурством манкируешь? — недоверчиво осведомился я. Не то чтобы так уж мечталось мне о компании тощего рябого Викентия, болтливое, как попадья, и скучное, как банный веник. Он прав, дело мне и одному по плечу, но царапнуло что-то... предчувствие, должно быть? Я даже на свою линию вероятности посмотрел, но в ближайшие часы всё с ней было в порядке, а на больший срок я пока заглядывать не умел.

— Да есть тут одна бабёнка, — признался Викентий, — купчиха, вдова, тридцать два года... объёмистая такая, ядрёная, в моём вкусе. На блины сегодня звала... ну, сам понимаешь, сперва блины, потом амурь... потом опять блины...

Тут я сразу успокоился. Викентий у нас известный ходок по женскому полу, да и, прямо сказать, не он один. Раз уж ты Тём-